
И. С. ГУРВИЧ

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ ДОЛИНЫ р. КАМЧАТКИ

(К вопросу об исторических судьбах обособленных групп русского народа в Сибири)

В ряде районов северо-востока Сибири до наших дней сохранились небольшие группы русских старожилов, по быту, культуре и хозяйственному укладу близкие к коренным народам Севера. Несмотря на длительное общение с окружающими их народами, они не утратили своего этнического облика и оказали значительное культурное влияние на своих соседей ительменов, якутов, юкагиров. За последние десятилетия в жизни обособленных групп русских старожилов северо-востока произошли значительные изменения, по другому руслу направилось их этническое развитие. Это можно видеть на примере русского старожильского населения долины р. Камчатки, так называемых «камчадалов»¹.

Как известно, под термином «камчадалы» часто объединяют две различные группы — ительменов, прямых потомков древнего населения основной части полуострова (ныне они живут на юге Тигильского района Корякского национального округа), и русских старожилов, живущих в Елизовском, Мильковском, Усть-Камчатском и частично в Больше-репском районах. Старожильческое русское население Камчатки — потомки русских казаков, промышленников и крестьян — и смешавшиеся с ними обрусевшие ительмены выделались как особая этнографическая группа во время переписи 1926—1927 г. Численность «камчадалов» была тогда около 3500 чел. Последующие переписи фиксировали камчадалов вместе с русскими. Каких-либо описаний этой этнографической группы русского народа на протяжении последних двадцати пяти лет в литературе не появлялось. Однако именно за этот период в жизни коренного населения долины р. Камчатки произошли глубокие изменения.

Колхозное строительство началось в Камчатской области в 1929 г.² Коллективизация в долине р. Камчатки, где жили русские старожилы, началась с создания сельскохозяйственных артелей. В с. Мильково возникла артель «Безбожник», в с. Керганик — «Красное знамя», близ с. Верхне-Камчатск — артель «Коммунар»³. Первые артели объединяли

¹ Статья написана по полевым материалам, собранным автором в 1962 г. в Мильковском и Усть-Камчатском районах Камчатской области. В экспедиции принял участие студент исторического факультета МГУ Е. А. Ведерников. Маршрут отряда — Мильково, Шоромы, Керганик, Долиновка, Центральный, Шапино, Лазо, Макарка, Атласово, Козыревск, Ключи, Усть-Камчатск.

² М. А. Сергеев, Народное хозяйство Камчатского края, М., 1936, стр. 585.

³ А. Н. Соловьев, Камчатская область, Хабаровск, 1940, стр. 15.

весьма незначительное число хозяйств. Так, в артели «Коммунар» их было всего 14.

Артели, возникшие на базе единоличных хозяйств, продолжали вести традиционное комплексное хозяйство. Но уже в первые годы коллективизации было обращено преимущественное внимание на развитие огородничества и животноводства, так как потребность в сельскохозяйственных продуктах в связи с развитием на Камчатке рыбной промышленности сильно возросла. В Усть-Камчатском районе был создан совхоз, который должен был стать, по мысли организаторов, образцовым хозяйством. Но еще в 1930-х годах в нем возделывали овощи с помощью крайне примитивной агротехники⁴. Все же колхозы старожилов в конце 1930-х годов стали обзаводиться простейшими сельскохозяйственными машинами — плугами, сенокосилками, конными граблями, начали строить скотные дворы.

Однако речное рыболовство и пушная охота оставались вплоть до 1950-х гг. важными отраслями хозяйства русских старожильческих артелей. Комплексный характер носило и подсобное хозяйство колхозников. Большинство хозяйств имело личный огород, корову, лошадь для поездок на охоту, ездовых собак, занималось рыболовством, охотой и собирательством.

Фактически в долине р. Камчатки до укрупнения колхозов, создания мощных совхозов (1950-е гг.) сохранялся в несколько модернизированном виде традиционный хозяйственный комплекс, сложившийся задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Расспросы населения, изучение хозяйственной документации позволяют восстановить облик этого хозяйства. В 1930—1940-х гг. хозяйственный цикл русских старожилов имел следующий вид. В июле большинство населения в верхнем и среднем течении р. Камчатки переселялось на рыбалки, где мужчины сообща «запирали реки», устанавливали «запоры» из тальниковых щитов, а в просветах между щитами укрепляли «морды». Во время хода рыбы мужчины на лодках подъезжали к «мордам», доставали из них рыбу и вывозили ее на берег. Женщины разделявали рыбу, солили, готовили юколу. Часть улова сваливали в ямы, где рыба квасилась. Производилось также копчение рыбы. На хозяйство в среднем запасали до 2000 штук рыбы⁵.

В качестве жилья на рыбалках использовались землянки наподобие якутских юрт и балаганы — шалаши на помостах. Около них располагались «вешала» для сушки юколы.

Следует отметить, что выезды на рыбалки и устройство «запоров» практиковались не по всей р. Камчатке. В Ключах и ниже не ставили «запоров». Рыбу здесь ловили неводами и сетями.

По реке Камчатке население использовало баты — долбленные лодки. Дощатые лодки стали появляться в низовьях реки незадолго до Октябрьской революции. Для охоты на уток применяли «ветки» — небольшие челноки с двухлопастным веслом. Возможно, этот вид лодок заимствован. Такое же наименование одноступенчатые и двухступенчатые долбленные челноки носят и в Якутии. Для перевозки дров и сена «спаривали» два бата. Это сооружение называли «парбм».

⁴ Н. В. Павлов, В бассейне Большой реки, в сб. «На Камчатке», М.—Л., 1936, стр. 82.

⁵ Камчатское рыболовство хорошо описано в литературе: Г. А. Крамаренко, Путешествие на Камчатку и обследование ее в рыболовном отношении в 1907 г., «Изв. Имп. Русского географического общества», т. 44, вып. V, 1908, стр. 280—292; П. Крынин, Отчет о рекогносцировочном исследовании в 1909 г. рек Камчатского полуострова Камчатки, Большой, Авачи, СПб., 1913, стр. 181—194; В. Л. Комаров, О русском населении Камчатки, «Русский антропологический журнал», 1912, № 2—3, стр. 112—120; Н. В. Слюнин, Охотско-Камчатский край, т. I, СПб., 1900, стр. 536—576.

Хотя летом камчадалы жили на рыбалках, они часто навещали поселок, чтобы ухаживать за огородом, и выращивали в небольших количествах картофель, репу, морковь, капусту. На еду сажали обычно один пуд картофеля. Рыболовный сезон совпадал с сенокосом. Население совмещало или чередовало эти занятия. Старики нередко использовали косы-горбуши. Уборка сена затягивалась до сентября. С дальних покосов сено вывозили зимой на собаках. Летом и осенью во время рыбалки женщины урывали время для сбора ягод, съедобных корней — сараны, макарши, а также сладкой травы — аниса, кипрея. Разыскивали мышьи норы, разрывали их и доставали мышьи запасы — корни съедобных растений. Женщин во время сбора дикорастущих нередко сопровождали вооруженные мужчины, так как опасались нападения медведей. В конце сентября обитатели рыбалок возвращались в поселки. В это время мужчины группами по 2—3 человека верхом выезжали охотиться на медведей и горных баранов.

Охотников провожали всей семьей примерно на расстояние до версты от дома, заходили вместе с ними в лес, здесь останавливались, пили чай, ели рыбу. В некоторых семьях рыбы кости складывали в шапку старейшего. На обратном пути около дома провожающие сообщая вытряхивали их из шапки⁶. По-видимому, этот обычай должен был означать магическое привлечение охотничьей добычи к дому. На медведей охотились с ружьем, об охоте с рогатиной сохранились лишь воспоминания. Иногда охотники устраивали караулку около ягодников на медвежьих тропах. Никаких обрядов при охоте на медведя и разделке его туши в последние десятилетия не соблюдали. Охотились до глубокой осени. Возвращаясь в поселки, охотники одаривали мясом не только родственников, но и соседей. По первому снегу охотники на собаках выезжали на соболиный промысел (октябрь, ноябрь, декабрь). В каждом хозяйстве содержалась обычно полная упряжка собак (12—14 штук).

Отправляясь на охоту за соболем, охотники обычно объединялись по два человека. Добычу делили поровну, даже в случае болезни одного из охотников. Поэтому каждый подбирал себе напарника соответственно своим силам. Женщины не принимали участия в охоте. У каждого поселка (общества) имелись свои угодья. Охотиться в «чужих» землях не разрешалось. У каждой семьи в лесу были оборудованы летние и зимние охотничьи станы в виде юрт из стоячих бревен, обложенных дерном, с открытым очагом, избушки-поварни или палатки. Иногда на зимние станы заблаговременно завозили орудия промысла, запасы продовольствия. При малом снеге на соболя охотились на лыжах с собакой и «обметом». Собака преследовала соболя по следу. Когда он залегал в кедраче или среди камней, его логово окружали обметом — сетью из крапивных нитей. Сеть расправлялась на «тычках» — колышках длиной около метра. При попытках соболя выбраться из окружения он попадал в сеть. Обмет с тычками обычно укладывали в чехол из нерпичьей шкуры, в таком виде обмет волокла за охотником собака. Когда выпадал большой снег, то на соболя ставили капканы, горностаев добывали кулемками, зайцев — петлями. В конце января — в феврале пушной промысел прекращали и возобновляли весной. За сезон охотник обычно добывал всего несколько штук соболей, лишь очень опытные и удачливые добывали до 50—70 соболей. На охоте широко применяли «подволошные» лыжи, скользящая поверхность их обтягивалась нерпичьей шкурой, реже оленьими камусами. Ступательную площадку лыж

⁶ Сообщено И. М. Слободчиковым, пос. Лазо Мильковского района.

обклеивали берестой, крепления («юкса») делали из ремней, они пропускались через специальные отверстия в лыжах и образовывали петли. При ходьбе на таких лыжах пользовались посохом.

Зимой дрова и лед доставляли на собаках. Сообщение между поселками поддерживалось при помощи собачьего транспорта. Использовались прямокопыльные нарты с передней дугой и вертикально укрепленным «бараном». Копылья с нащепами и полозьями соединялись при помощи ременных вязок. Упряжь, лямки изготовляли из нерпичьей кожи. Для остановки нарт применяли «остол» — кол с железным шипом. Доставка грузов на собаках в торговых точках, перевозка пассажиров были значительным источником доходов для многих хозяйств.

Рядом особенностей отличалась и одежда русских старожилов: летом носили рубахи, платья, пиджаки, зимой надевали олени глухие гагагли (кухлянки), камлеи, меховые камусные сапоги, шитые жилами животных или нитками из крапивы.

Основной пищей населения была рыба. В больших количествах употребляли юколу. Рыбу варили и жарили. Зимой ели мороженую рыбу — строганину. Лакомством считались квашеные рыбы головки и пупки (брюшки) красной рыбы (китхоруч). Их квасили в специальных деревянных корытах. Как приправа в пищу широко использовалась сушеная рыба икра. Осенью часто употребляли в пищу мясо горных баранов, медвежатину. Деликатесом считались медвежий язык и сердце. Из вареной сараны с рыбой приготавливали нечто вроде каши, из толченой черемухи — лепешки. Мятый вареный картофель смешивали с толченой икрой и зажаривали на противне, это блюдо называли «барабан». Во многих семьях готовили ячменную кашу, лепешки. Ячмень мололи в ступах и просеивали в решете. Как приправа широко использовался рыбий жир. Его так же, как и во времена С. П. Крашенинникова, вываривали в батах⁷. Женщины разделяли рыбу, мужчины заливали в батах воду, разжигали поблизости костер — «пожо», раскаляли в нем камни и бросали их в бат. В горячую воду затем бросали рыбу. Вода в бате доводилась до кипения, варево мужчины перемешивали специальными вилами. Когда рыбий жир всплывал, женщины берестяными «чуманами» вычерпывали его в кастрюли и котлы, а затем вновь перетапливали (вторая «вара») уже в котле. После третьей перетопки (третья «вара») жир сливали в бутылки⁸.

Жили русские старожилы в срубных домах. Крыши крыли корьем, а в низовьях р. Камчатки — травой «вейником» и укрепляли жердями. Полы устилали деревянными плахами. Печи (русские) складывали из сырцового кирпича. Для освещения пользовались жирниками, хотя были и керосиновые лампы. Возле каждого дома имелся амбар, стайка (хлев) из стоячих половин бревен, крытых корой, навес для сена, загон для лошадей, погреб, яма для хранения картофеля, шаба — срубный на столбах ящик для хранения небольших запасов кислой рыбы, баня. Усадьбы нередко огораживали плетнем. Поселки за исключением Милькова и Ключей не имели правильно расположенных улиц.

Таким образом, в 1930—1940-х гг. в долине р. Камчатки еще существовала своеобразная русская крестьянская культура, в которую органически вошли отдельные элементы древней ительменской культуры.

В 1953—1954 гг. в традиционном хозяйственном комплексе русских старожилов произошли значительные изменения. В связи с тем, что количество рыбы в этой реке значительно уменьшилось, а большинство

⁷ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки, М., 1949, стр. 365.

⁸ Записано со слов Мерлина, 69 лет, пос. Усть-Камчатск.

рыбалок располагалось около нерестилищ, речное рыболовство было ограничено органами рыбнадзора. Эта необходимая мера привела к тому, что населению в результате сокращения кормов пришлось отказаться от содержания ездовых собак, их сохранили лишь там, где они были необходимы охотникам. Следует отметить, что до введения ограничения речного рыболовства значительную часть выловленной рыбы старожилы расходовали на корм ездовым собакам. На дороговизну и нерентабельность содержания ездовых собак на Камчатке указывалось в ряде работ, появившихся еще в 1920—1930-х гг.⁹ Но тогда не было возможности заменить ездовых собак конным или механическим транспортом.

В послевоенные годы многие поселки, расположенные по долине р. Камчатки, удалось соединить с областным центром при помощи авиации, развернулось строительство шоссейных дорог, широкое развитие получил автомобильный транспорт, а в низовьях рек — водный.

Заметим, что отход от речного рыболовства, в известной степени от пушной охоты и собирательства (аласы — поляны, на которых производился сбор дикорастущих были распаханы) не подорвал экономического благосостояния русских старожил. В долине р. Камчатки получили быстрое развитие привычные старожилам отрасли хозяйства — огородничество и разведение крупного рогатого скота. Доходы от этих товарных отраслей хозяйства оказались вполне достаточными, чтобы покрыть нужды населения. Следует отметить, что курс на преимущественное развитие сельского хозяйства является, несомненно, правильным в современных условиях, так как резко возросшее в численности население долины р. Камчатки не может существовать за счет промыслового хозяйства. Климатические условия центральной Камчатки, в районе с. Мильково, защищенной хребтами от холодных ветров Охотского моря, позволяют получать весьма богатые урожаи картофеля, капусты, свеклы. На это указала еще Камчатская комплексная экспедиция, организованная Академией наук СССР в 1935 г.¹⁰ Созданные в долине р. Камчатки в послевоенные годы совхозы, в которых в настоящее время трудятся старожилы, представляют собой крупные механизированные предприятия. Примером может служить совхоз «Мильковский», имеющий овощно-молочное направление. Он создан в 1959 г. на базе мильковского колхоза. В 1962 г. в совхозе «Мильковский» было занято более 400 рабочих. Здесь засеяно 142 га картофеля, 10 га капусты (урожай картофеля в 1961 г. был 23 ц с га, капусты 225 ц с га), имеются посевы лука, свеклы. Создано крупное парниковое хозяйство. Совхоз собирает два урожая в год — рожь в июне (на силос) и овес в конце сентября. В совхозе содержится свыше 1000 голов крупного рогатого скота, в том числе 460 дойных коров, имеется большая птицеферма.

Широко применяется сельскохозяйственная техника — тракторы, автомашины, бульдозеры, картофелекопалки, автопогрузчики и т. д.

Совхоз «Мильковский», как и другие совхозы долины р. Камчатки, имеет близкий рынок для сбыта своей продукции — город Петропавловск и рыболовецкие поселки восточного побережья.

⁹ С. В. Керцелли, К вопросу об Анадырско-Камчатском ездовом собаководстве, «Сов. Север», 1931, № 7—8, стр. 189—202; И. Д. Добровольский, О собаачьем хозяйстве Камчатского округа, «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1927, № 11—12, стр. 42—50; С. Н. Бунаков, Собаководство Крайнего Севера СССР, Изв. РГО, т. 67, вып. 3, 1935, стр. 353—366; Ю. А. Ливеровский, Камчатские собаки, в сб. «На Камчатке», М.—Л., 1936, стр. 131—146.

¹⁰ Б. А. Бронштейн, Камчатская комплексная экспедиция, в сб. «На Камчатке», М.—Л., 1936, стр. 17—35.

Пушной охотой совхозы специально не занимаются. Этим заняты отдельные любители-охотники, получающие от дирекции совхоза или леспромхоза особые отпуска для охоты и лицензии на отстрел соболя. Большинство охотников имеет лишь по 1—2 охотничьих собаки. В поселке Ключи, где ездовое собаководство еще сохраняется, охотники содержат от 2 до 8 собак, но всего здесь на 40 охотников приходится 180 охотничьих и ездовых собак. Некоторые охотники ездят на промысел на 2—3 собаках, применяя облегченные нарты. Большинство ходит на охоту на лыжах или пешком.

В настоящее время областные организации принимают меры к созданию специализированных охотничьих хозяйств с постоянными кадрами охотников. Их предполагается обеспечить ездовыми собаками.

Вопрос о более полном использовании горных охотничьих угодий поднимается и самими охотниками. Они предлагают создать в горах охотничьи базы, забрасывать туда самолетами или вертолетами продовольствие, снаряжение, людей.

Все же промысловое хозяйство в современных условиях не может сравниться по объему производства с механизированным высокопродуктивным животноводством и огородничеством. Большинство старожилов в настоящее время стало овощеводами, животноводами, механизаторами.

Работа в овоще-молочных совхозах дает рабочим устойчивый заработок от 80 до 200 рублей в месяц.

Многие старожилы осенью охотятся на медведей. Но это любительский промысел. Изменения в хозяйстве отразились на быте старожилов. Отпала необходимость выезда на летовки (рыбалки). В связи с этим население разобрало балаганы, юкольники, амбары и вывезло их в поселки. Из небольших обособленных поселков, таких, как Верхне-Камчатск, Старые Шоромы, Еловка, Харчино, Толбачик, старожилы переселились в крупные — Мильково, Ключи, Козыревск и другие, с благоустроенными домами, электричеством, школами, больницами, кинотеатрами, магазинами. Образ жизни старожилов долины р. Камчатки приблизился к быту сельского населения центральных районов нашей страны. Однако старожилы еще используют старые стайки (хлева) с навесами для хранения сена, амбары, баты (на них теперь нередко устанавливают моторы), собачьи нарты и т. д. В семьях старожилов наряду с другими блюдами широко используют в пищу юколу. Старшее поколение считает для себя рыбу более важным продуктом, чем хлеб. Изменился за последнее десятилетие говор старожилов. Если еще в 1920—1922 гг. старожилы допускали в своей речи фонетические замещения звуков с, ч, ш, ж, з — щ, ц, с, з, ж (цай, шнег, жима и т. д.), то теперь под влиянием говора приезжих русских, а также школ, радиопередач эти особенности почти исчезли. Лишь в некоторых семьях в поселках Шоромы, Керганик лица старшего поколения, преимущественно женщины, сохраняют своеобразие в речи. Употребляются и местные слова: азойно — грузно, алас — поле, алык — лямка, дрыгалка — молоток, нигус — полого, пол — земля, шиверы — камни и т. д.

Из среды пришлого населения старожилов фактически выделяет лишь их антропологический тип.

Следует отметить, что изменения в жизни русских старожилов долины р. Камчатки произошли не только вследствие перестройки их хозяйства и быта. Значительное влияние на старожилов оказали переселенцы. Социалистическая реконструкция хозяйства полуострова, развитие рыбной и лесной промышленности привлекли сюда большое число новых переселенцев — русских, украинцев, белорусов, удмуртов и др.

В 1920-х годах основной контингент переселенцев оседал около Петропавловска и по побережью в рыболовецких поселках. Переселенцы в значительной мере представляли собой обосновавшихся на Камчатке сезонных рабочих. Последние приезжали по договорам с рыбными заводами на сезон добычи рыбы. Их завозили пароходами летом и вывозили осенью. Среди переселенцев, оседавших на Камчатке в те годы, выделялись две категории — одиночки, преимущественно рыбаки, и семьи, пытавшиеся заниматься здесь сельским хозяйством. Среди последних было немало староверов с Алтая. Несколько староверческих выселков образовалось между Нижне-Камчатском и Усть-Камчатском¹¹.

Известное представление о том, как заселялись низовья р. Камчатки, дают опросные данные. И. П. Клейменов, старожил Усть-Камчатска, по его словам, был привезен на Камчатку ребенком. Сюда перебрался в 1925 г. из Приморья его отчим. Несколько семей, в числе которых была семья Клейменовых, решили основать деревню. На Камчатку они привезли рогатый скот, коней. Основались ниже Козыревска в 20 км от р. Камчатки. Но земледельческий опыт этих переселенцев не удался, и они переехали в д. Черный яр, а затем в Усть-Камчатск, где занялись рыболовством.

Другой старожил Усть-Камчатска Мартемьянов долго странствовал по России, затем обосновался во Владивостоке, плавал матросом на судах, совершил кругосветное путешествие, выезжал по договору с предпринимателями на рыбалки в Анадырь, в Тымлат, в Карагу, в 1916 г. обосновался в Усть-Камчатске, работал здесь мастером по заготовке икры, завел свой вельбот, нарты, собак, сети. Летом рыбачил, зимой охотился. Впоследствии стал кадровым рабочим на рыбозаводе.

Некоторые одиночки и семьи просачивались в «камчадалские» русско-старожильческие села.

В 1930 г. началось плановое заселение Камчатки. В 1930 г. приехало на постоянное жительство 2387, а в 1931 г. — 9750 чел.¹²

Хотя поток переселенцев направился в первую очередь в крупные центры — Петропавловск, Усть-Камчатск и другие, тем не менее переселенцы стали пополнять и древние «камчадалские» поселки. Кроме переселенцев на Камчатку ежегодно приезжали и уезжали обратно сезонники на рыбную путину и строительство. В 1931 г. их было около 20 тыс. чел.¹³

После коллективизации с целью дальнейшего сельскохозяйственного освоения долины р. Камчатки сюда стали вербовать переселенцев. Большие группы переселенцев-земледельцев появились на Камчатке в 1939—1940 гг. В с. Мильково приехали в 1940 г. крестьяне из Украины и Белоруссии. В 1940 г. в низовьях р. Камчатки в пос. Березовый яр возник целый колхоз из переселенцев, демобилизованных солдат.

В период войны с гитлеровской Германией была осуществлена вербовка переселенцев на Камчатку из Удмуртской АССР. Часть переселенцев пошла на лесоразработки, часть в колхозы. Организованные переселения привели к тому, что количество населения в старых «камчадалских» поселках резко увеличилось. Обследование поселений долины р. Камчатки позволяет видеть, какие большие изменения произошли здесь за последние десятилетия.

¹¹ В. Ф. Овсянников, По реке Камчатке, «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1929, № 3, стр. 53.

¹² М. А. Большаков, Население Камчатки и его хозяйство, «Сов. Север», 1931, № 11—12, стр. 52.

¹³ М. А. Сергеев, Камчатский край, М., 1939, стр. 83.

В с. Мильково в 1923 г. было 450 человек обоего пола, 64 двора¹⁴. Население представляло собой русских старожилов, членов местного крестьянского общества. В 1934 г. сюда впервые прибыло значительное число переселенцев в связи с организацией района. Впоследствии Мильково неоднократно пополнялось приезжими с «материка». Однако в Мильково стянулось немало и «камчадалских» семей. Так, в 1956 г. был упразднен Верхне-Камчатск. В нем насчитывалось тогда 18 дворов. Здесь жили «камчадалы» Зимины, Верещагины, Машихины, Нечаевы, Пермьяковы. Большинство жителей Верхне-Камчатска переехало в Мильково, а часть в Новые Шоромы. В Мильково живут отдельные семьи из Керганика (Пермьяковы), из Шором (Машихины, Заочины), из Машуры (Ушаковы, Красильниковы), из Толбачиков (Бушуевы, Слободчиковы). Но численно преобладают переселенцы с «материка» — русские, белорусы, украинцы, удмурты и др. Браки между переселенцами и старожилами обычное явление. Изучение похозяйственных книг этого поселка и частичная проверка этих данных у населения показали, что в настоящее время здесь имеется около 150 семей старожилов и около 100 смешанных семей, образовавшихся от браков между старожилами и приезжими. Всего здесь около 650 чел. старожилов. Следует указать, что точное число старожилов выявлено не может быть не только потому, что не ведется специальный учет старожилов, но и потому, что лица от смешанных браков часто причисляют себя к приезжим. Таким образом, старожилы Милькова перемешались со старожилами других поселков долины р. Камчатки и в значительной степени с пришлым населением.

Интересные данные о сближении старожилов с переселенцами были получены в пос. Шоромы. Здесь в 1938 г. было 11 «камчадалских» семей: Мерлины, Зимины, Машихины, Заочины, Поповы и Атласовы (последние выходцы из Елизовского района) — всего около 50 чел.¹⁵ В 1943 г. в Шоромы прибыли переселенцы удмурты — 4 семьи (Чирковы, Яковлевы, Дементьевы и Дерябины) — 15 чел. Теперь в пос. Новые Шоромы в числе коренного населения четыре «камчадалские» семьи — 29 чел. и три камчадалско-удмуртские семьи — 16 чел. После того как в пос. Новые Шоромы в 1960 г. на базе колхоза «Новая деревня» был создан совхоз Комсомольский, здесь появилось большое число русских семей. Старожилы составляют меньшинство населения этого поселка.

Если на коренное население пос. Шоромы сильное влияние оказали удмурты, то на население пос. Керганик — белорусы. В 1930-х годах здесь жили Чуркины, Пермьяковы и Плотниковы — около 50 чел. В 1941 г. в этот поселок прибыло 6 семей переселенцев-белорусов. Сейчас в поселке числится 23 хозяйства, однако старожильческих всего 6. Обновление населения за счет переселенцев хорошо видно на примере сравнительно нового поселка Долиновка. Это центр одноименного совхоза. В Долиновке имеется школа, больница, клуб, правление совхоза, магазин, почта, сберкасса. Долиновка стала строиться с 1927 г., когда древний старожильческий поселок Машуру стало затоплять весенним половодьем. В 1962 г. в Долиновке насчитывалось 119 хозяйств — 448 чел., в том числе 230 женщин и 218 мужчин. Однако старожильческих хозяйств было всего 33 (183 чел.). По происхождению эти хозяйства распределялись следующим образом: из Машуры — 18, из Керганика — 2, из Ключей — 2, из Милькова — 2, из Щатино — 4, из Толбачи-

¹⁴ Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ), ф. 2333, оп. 1, д. 107, л. 5—33, сведения о населенных местах Камчатки.

¹⁵ В 1923 г. в Шоромах было 9 дворов камчадалов — 31 мужчина, 21 женщина, ЦГАДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 107.

ка — 1, старожильческо-китайских — 2. Остальные хозяйства — недавние переселенцы из разных областей страны. Они и преобладают в поселке. Все же в Долиновке в связи с большим числом старожиллов проявляется ряд особенностей старой культуры камчадалов (в строительстве, занятиях населения и в говоре).

Такие же явления отмечаются и в пос. Макарка. Он образовался в 1935 г. Сюда переехали обитатели древнего поселка Толбачики — Слободчиковы, Краснояровы, Елануевы, Бушуевы. В Толбачиках было 30 местных хозяйств, теперь в Макарке 49 хозяйств — около 200 человек обоего пола. Но старожиллы составляют всего одну треть населения, преобладают в поселке переселенцы — белорусы, русские; часть старожиллов Толбачика уехала в другие поселки.

Ознакомление с бытом и подсобным хозяйством группы переселенцев белорусов (шесть хозяйств) показало, что они многое восприняли от старожиллов. Белорусы приехали в Макарку в 1941 г. по вербовке. Старшее поколение белорусов помнит родной язык, молодежь говорит только по-русски. В хозяйстве переселенцев белорусов имеются коровы, свиньи, куры; все они имеют огороды, а зимой, как и «камчадалы», охотятся на соболя, горностая, зайца, лисицу. При этом они используют «камчадалских» зверовых собак, применяют наряду с капканами «камчадалские» ловушки, петли. Приезжие восприняли у коренного населения способы добычи рыбы и быстроходные долбленные лодки — баты, зимнюю промысловую одежду.

Иное соотношение старожильческого и пришлого населения сложилось в пос. Ключи. Это древний поселок русских старожиллов¹⁶. Теперь Ключи — один из самых крупных рабочих поселков Камчатской области. Здесь имеются деревообрабатывающий комбинат, два отделения совхоза, учебное заведение. Старожиллы и в этом поселке составляют меньшинство. Дома их сосредоточены в речной части поселка, «за почтой», где были старые Ключи. Официальный учет старожиллов не ведется, так как они считаются и сами себя называют русскими. Однако в связи с тем, что местным хозяйствам предоставляется право лова рыбы, ключевский поселковый совет произвел учет хозяйств, которых можно отнести к этой категории. Таких старожильческих хозяйств рабочих и служащих выявлено 75. Кроме них выявлено около 50 хозяйств, где глава является приезжим, а жена местная. Эти хозяйства, по мнению членов поселкового совета, к местным не относятся. В число местных хозяйств попало несколько семей, приехавших сравнительно недавно (10—20 лет назад). Всего в пос. Ключи 110—120 хозяйств старожильческих и связанных со старожиллами. Просмотр списков старожиллов показал, что часть их прибыла из других поселков: из Нижне-Камчатска — 5, из Усть-Камчатска — 3, из Милькова — 3, из Харчино — 3, из Еловки — 1, из Камаков — 1, из Козыревска — 1, из Машуры — 2, из прочих мест — 3. Появление в Ключах обитателей Еловки, Харчино (Ушаковых, Клочевых, Баженовых) связано с тем, что мелкие поселки камчадалов при объединении в совхозы были упразднены. Характерно, что теперь невозможно отделить бывших «камчадалов», жителей Еловки, Харчино, Камаков, от бывших членов русского крестьянского общества (переселенцы второй половины XVIII в.).

Наконец, в долине р. Камчатки за последние десятилетия образовался ряд новых поселков. Это центры или участки леспромхозов, перевалочные базы. Население этих поселков в подавляющем большинстве приезжее. Поселок Лазо возник в 1932 г. как база леспромхоза Акциио-

¹⁶ В 1923 г. в Ключах было 535 человек обоего пола, 95 дворов. Население содержало 150 лошадей, 250 коров, 1500 собак, ЦГАДВ, ф. 2333, оп. 1, д. 107.

нерного Камчатского общества. Теперь это большой благоустроенный центр. Здесь около 300 дворов, но всего около 20 чел. старожилов. Все они переселенцы из Милькова. Неподалеку от Лазо расположен поселок Береговая база, в нем насчитывается 59 дворов, но только 9 дворов старожилов.

Участок Лазовского леспромхоза поселок Центральный возник в 1952 г. Здесь проживает около 1500 чел., в том числе около 50 русских старожилов. Это выходцы из Верхне-Камчатска, Машуры, Керганика, Макарки и Шором.

Совсем новым поселком лесорубов является Атласово, в нем выявилось только две семьи старожилов. Из приезжего населения состоит и Усть-Камчатск. В нем обнаружено всего четыре семьи «камчадалов», переселенцев из Ключей. В таких поселках старожилы быстро растворяются в среде пришлого населения.

В связи с тем, что старожилы теперь постоянно общаются с приезжими и сблизилась с ними, даже в тех поселках, где они составляют по численности значительные группы, они называют себя русскими, но при этом обычно указывают, что их предки родились на Камчатке. Некоторые резко отличают себя от приезжих, называют себя «природными камчадалами», т. е. рыбаками и охотниками, хотя подчеркивают, что «камчадалы не нация». Напротив, встречаются случаи, когда русские старожилы обижаются, если их называют камчадалами. В целом национальное самосознание «камчадалов» теперь русское. Характерно, что в настоящее время старожилы по своему фольклорному запасу (он очень беден), обычаям мало разнятся от приезжих. На Камчатке в отличие от низовой Колымы, Анадыря, Индигирки русские старожилы не сохранили преданий о казаках-землепроходцах, столкновениях с местным населением. При ответах на такие вопросы рассказчики просто пересказывали содержание отдельных книг и нередко ссылались на С. П. Крашенинникова. Отсутствие устойчивой традиции в области исторических преданий, по-видимому, следствие значительных перемещений населения.

В некоторых старожильческих семьях сохраняются реальные воспоминания о том, что их предки переселились на Камчатку из России. Но такие воспоминания относятся, как правило, к XIX в. Существуют и «воспоминания», почерпнутые из литературы. Так о Мерлиных часто говорят как о каких-то потомках майора Мерлина, проводившего в 1732 г. следствие по поводу камчадалских восстаний и злоупотреблений властей¹⁷. Встречаются иногда среди самих старожилов догадки, что Атласовы, Красильниковы, Слободчиковы, Верещагины — прямые потомки первых русских землепроходцев. Никаких доказательств в пользу этих утверждений, кроме ссылок на Крашенинникова, обычно не приводится. Местные журналисты, краеведы неоднократно предпринимали попытки выявить прямых потомков Владимира Атласова.

По данным Н. Шумского, праправнук знаменитого атамана Иван Калистратович Атласов умер в 1946 г. в с. Малках. Потомство Ивана Калистратовича он обнаружил в 13 поселках¹⁸. Однако достоверность приведенной Н. Шумским генеалогии должна быть документально доказана. Соответствующих архивных розысков, изучения церковных метрических книг по этому вопросу не производилось. Как известно, многие казаки и высокопоставленные начальники в XVIII в. выступали в каче-

¹⁷ С. П. Крашенинников, Указ. раб., стр. 497—498.

¹⁸ Н. Шумский, Судьба одной фамилии, газ. «Камчатская правда», 22 ноября 1959 г.

стве крестных отцов, восприемников камчадалов, принявших христианство. Крестившиеся получали фамилию своего крестного отца.

Как показывает обследование поселков долины р. Камчатки, наплыв новых русских переселенцев в последние десятилетия привел к тому, что пятна русского старожильческого населения на карте Камчатской области оказались чрезвычайно размытыми. Старожилы в результате концентрации их в сравнительно крупных поселках сблизились путем браков с пришлым населением и утратили в значительной степени свои культурные особенности. Все же группы русских старожилов еще сохраняются в ряде мест по долине р. Камчатки.

Слияние обособленных в прошлом групп русских старожилов с пришлым русским населением является примером того, как протекает процесс национальной консолидации на окраинах нашей страны.

SUMMARY

The article examines the historical and ethnic development of the Kamchadals — a separate group of the Russian population dwelling in Siberia; it is written on the basis of field materials collected by the author in 1962. The group of Kamchadals described in the article has been little studied ethnologically. The author traces the deep-going changes that have taken place in the economic and cultural life of the indigenous population of the Kamchatka River Valley in the Soviet years, and also the process of national consolidation embracing the separate groups of Russian residents long settled in the area, and the new Russian settlers.